

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 347.787

DOI: 10.17223/19988613/50/19

Л.А. Аболина, Р.Ю. Федоров

ДВОРОВЫЙ КОМПЛЕКС СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ: СТРОИТЕЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-21-01002).

Статья посвящена архитектуре дворового комплекса семейских – русских старообрядцев, переселенных в середине XVIII в. на территорию Забайкалья из Речи Посполитой, в которую они мигрировали из центральных районов России после церковного раскола XVII в. На основе обобщения и анализа полевых материалов, а также сделанных ранее этнографических описаний в статье рассмотрены конструктивные, функциональные и планировочные особенности жилых и хозяйственных построек в традиционной усадьбе семейских. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в Забайкалье семейские сформировали свой оригинальный архитектурно-хозяйственный комплекс, который со временем претерпел ряд модернизаций, связанных как с общими тенденциями развития русской народной архитектуры, так и с некоторыми локальными заимствованиями. Сегодня он является ярким примером синтеза строительной культуры разных этнолокальных групп восточных славян в Сибири.

Ключевые слова: семейские; старообрядцы; Забайкалье; строительная культура; этнокультурные взаимодействия.

Семейскими принято называть этнографическую группу русских старообрядцев, большинство представителей которой проживают сегодня на территории Забайкалья. Во второй половине XVII в., после церковной реформы патриарха Никона, группы староверов из ряда регионов Европейской России начали переселяться на территорию Речи Посполитой, сформировав места компактного проживания, центрами которых стали Ветка, Стародубье и некоторые другие районы Полесья [1. С. 3]. После вхождения в XVIII в. этих территорий в состав Российской Империи проживавших на них русских старообрядцев стали партиями переселять в Сибирь. Их представители, основавшие поселения во второй половине XVIII в. в Забайкалье, получили новый этноним – «семейские», который был дан им русским старожильческим населением ввиду того, что переселенцы пребывали на его территорию семьями [Там же. С. 56].

Первый этап систематических историко-этнографических исследований семейских приходится на конец XIX – первую треть XX в. В нем преобладали, как правило, не разделенные на какую-либо узкую предметную специализацию этнографические описания различных аспектов духовной культуры, хозяйственной деятельности и бытовых традиций семейских [2–6] и др. В 1960–1970-е гг. начался новый этап научного осмысления их самобытных традиций. Появился целый ряд специализированных исследований отдельных компонентов традиционной культуры семейских, опирающихся на обширные полевые и архивные материалы, которые подвергались обобщению и систематиза-

ции с помощью сравнительно-исторического, типологического, структурно-функционального и ряда других методологических подходов, развивавшихся в отечественной этнографии тех лет. Пионерными работами в области изучения календарной обрядности семейских стали монографии Ф.Ф. Болонева [7, 8] и др. Ряд фундаментальных монографических исследований посвящен фольклору, диалектологии, этнолингвистике и другим аспектам традиционной культуры семейских [9–14]. На этом фоне народная архитектура семейских до сих пор остается исследованной фрагментарно, без глубокого анализа ее формирования. Современные работы, посвященные этой тематике, единичны.

Впервые подробные описания жилых построек семейских встречаются в работе А.М. Поповой [6]. Публикации известного исследователя народной архитектуры восточных славян И.В. Маковецкого были посвящены типологии, планировке, а также некоторым конструктивным особенностям построек семейских [15, 16]. Появились работы, посвященные декоративно-прикладным элементам народного жилища семейских [17, 18 и др.]. Н.Н. Родионова исследовала особенности процесса возведения избы и строительные термины семейских, проживающих на территории Красночичокского района Забайкальского края [19]. Л.А. Аболиной и Р.Ю. Федоровым исследовались строительные приемы, заимствованные семейскими в период их проживания на территории современной Беларуси [20]. Исследования архитектуры и этимология строительных терминов не рассматривались предыдущими авторами в совокупности, что препятствовало пониманию эволю-

ции развития многих функциональных и конструктивных особенностей построек семейских.

Задачей настоящего исследования является обобщение результатов этнографических экспедиций, проведенных авторами в 2014–2016 гг. в местах компактного проживания семейских на территории Тарбагатайского и Мухоршибирского районов Республики Бурятия, а также Красночико́йского района Забайкальского края. Для лучшего понимания формирования дворового комплекса семейских были привлечены диалектные названия, связанные с пространством дома и усадьбы, собранные в ходе экспедиций и дополненные материалами из «Словаря говоров семейских Забайкалья» под редакцией Т.Б. Юмсуновой [21]. Подобный подход дал возможность более глубоко реконструировать функциональные значения отдельных построек и их строительных деталей, а также выделить заимствования, отраженные в связанной с ними народной терминологии. В статье не рассматриваются декоративные элементы, не имеющие отношения к планировке двора и конструкциям построек, включая интерьерные росписи, так как это тема отдельного исследования, не входившая в задачи авторов.

В ходе исследования народная архитектура и связанные с ней бытовые традиции семейских были сопоставлены с прототипами, характерными для их этнического окружения. На территории Речи Посполитой в его роли выступали преимущественно белорусы. В Забайкалье основу этнического окружения семейских составили буряты, карымы (метисы русских старожилов и бурятов) и «сибиряки». Слово «сибиряки», часто упоминаемое в рассказах информаторов – семейских, можно трактовать как экзотоним. Им старообрядцы называли русских православных старожилов, чьи предки обосновались в Забайкалье в XVII–XVIII вв. [14. С. 6]. Строительные традиции семейских и «сибиряков» на момент переселения имели ряд существенных различий, впоследствии сократившихся благодаря хозяйственным контактам и общему ходу развития строительных технологий.

Планировка усадьбы. Территория традиционной усадьбы семейских состояла из нескольких функциональных зон. К ним можно отнести передний двор (в настоящее время называемый оградой), задний, скотный двор, а также огород, телятник или гумно. На переднем дворе находились дом (состоящий из избы и горницы), зимовье, амбары, завозня или навес, погреб, иногда баня. На заднем дворе располагались сарай, хлева, стайки и омшаники. В разных населенных пунктах сочетания этих построек могли варьироваться.

Высокий естественный прирост населения у семейских [3. С. 24] повлиял на планировочную структуру их сел, в большинстве которых улицы с плотной застройкой тянулись на несколько километров. Данная ситуация способствовала развитию однорядной (погонной) планировки усадьбы. По свидетельствам старожилов с. Большой Куналей Тарбагатайского района Республики Бурятия, участки были узкие и длинные, построй-

ки располагали только вдоль своей межи, обычно западной. Уличный фасад состоял из дома, стоящего широкой стороной, и ворот. За домом, в глубину участка, строили навес, за ним амбар с погребом, напротив него – зимовье. Дальше начинался задний двор с сараями для коров, коней и для сена, потом огород с колодезем и поскотина. На противоположной, соседской, меже строить было нельзя (Петров Яков Иванович, 1935 г.р., с. Большой Куналей).

Другой вариант застройки двора был распространен в с. Архангельское Красночико́йского района Забайкальского края, где кроме небольших улиц сохранились фрагменты гнездовой планировки, связанные с особенностями местного рельефа. Изба-пятистенка стояла вдоль улицы длинной глухой стороной без окон, на которой был только «душник» – маленькое отверстие в стене на уровне глаз. Окна в сторону улицы стали делать в только 1970-х гг. (Валентина Матвеевна Шишмарьева, 1934 г.р., с. Малоархангельское Красночико́йского района). Не исключено, что такая особенность могла сложиться в связи с длительными религиозными преследованиями староверов, обусловившими замкнутость их жизненного уклада. Входили во двор через широкую одностворчатую калитку, служившую также для проезда телег и прохода скота. Чистый и скотный дворы разделялись изгородью с широкими воротами и были отгорожены от посадок плетнем из ивняка. Расположение построек напоминает свободную застройку, не характерную для «сибиряков». Подобная планировочная структура присутствует в селах Малоархангельское и Хонхой Красночико́йского района, а также в селах Мухоршибирь и Заган Мухоршибирского района Республики Бурятия. В то же время во многих поселениях встречается и веночная планировка, преобладающая у «сибиряков».

Жилые постройки. Наиболее распространенным жилищем у семейских в XX в. была «связка», состоящая из «житейной», или «передней», избы, расположенной со стороны улицы и горницы со стороны двора. Они соединялись сенями с отгороженной «казёнкой». Были и избы-пятистенки: «изба-горница» или «изба-сени». Более поздним вариантом является дом (пятистенок или шестистенок), стоящий длинной стороной вдоль улицы и состоящий из большого сруба, разделенного внутри на комнаты, и сеней. К жилым постройкам у семейских также относится и маленькая, дополнительная изба во дворе, которую называют словами «зимовье», «избушка», или «тепляк».

Лес для строительства избы выбирал сам хозяин на солнечной стороне склона, зрелый, не моложе 80 лет. Толстые, прямые бревна называли «дубовина», несмотря на то что дуб в Сибири не растет. Лес с северной стороны склонов («мендач») для строительства дома не использовали, так как он был более сырым, с рыхлой древесиной, подверженной гниению.

Если в семье было несколько сыновей, отец старался построить дома всем сыновьям поочередно, начиная

со старшего. Младший сын оставался жить в родительском доме, досматривая за престарелыми родителями. Старую родительскую избу и место, где она стояла, называли «пепелище». Делая «оклад» дома (до уровня пола), клали три ряда лиственничных бревен. Для укладки и перемещения бревен использовали «стяг» – жердь, толстую, крепкую палку, примерно двухметровую [21. С. 458].

В селах Архангельское и Тарбагатай под оклад и углы домов клали камни, что являлось широко распространенным приемом на территории Белоруссии. Сруб избы (выше пола) – «стопу» – рубили из сосновых бревен. В разных районах количество венцов в срубе варьирует. Поземные, невысокие постройки характерны только для Красночиойского района Забайкальского края. В большинстве сел семейских, расположенных на территории Республики Бурятия (Тарбагатай, Большой Куналей, Десятниково и др.), в конце XIX – начале XX в. строили высокие пятистенки и шестистенки из 20 венцов. Пол клали на шестой венец. Дома имели 5–6 окон на лицевой стороне, расположенных так высоко от земли, что закрыть их ставнями можно было только при помощи верёвочки, изнутри дома.

До 1970-х гг. семейские применяли рубку «в чашу» с остатком, позднее – «в чистый угол» («в лапу») с использованием в стенах «шкантов» (деревянных кольшков). Выемки на концах бревен, для укладки следующего бревна, назывались «потёмки», или «гнёзда», а глухая выемка для врубки балки-матицы посередине бревна – «потай» [Там же. С. 371].

В избах, построенных до начала XX в., пол укладывался на одну центральную балку и в пазы поперечных бревен. В 1970-х гг. для основания пола больших домов делали четыре балки: две посередине и две по краям. Конструкция потолка претерпела сходные изменения. При высоком подрубе со стороны подполья насыпалась завалина, прикрывающая примерно 1,5 венца, над ней были две «продушины» для вентиляции. Окна размером 80×130 см делали после третьего венца от уровня пола, примерно на высоте 70 см. Северная сторона дома обычно оставалась глухой. Жители с. Десятниково Тарбагатайского района к наветренной стороне дома пристраивали кладовку, защищавшую стену от дождя. Сходный прием распространен у русских старожилов, проживающих в прибрежных районах озера Байкал, где к дому вместо кладовки примыкает хлев.

У изб, построенных до 1870-х гг., потолок состоял из целых бревен, опирающихся на круглую матицу, позднее его стали делать из «черезовых» плах – расколотых пополам бревен, лежащих через всю длину сруба. Выше потолка рубились два «череповых» венца «в охряпку». В с. Архангельское выступающие вперед бревна-кронштейны называли «нижние кучера» и «верхние кучера» [19. С. 40]. Характерной особенностью строительной культуры семейских является нанесение на них даты строительства. В конце XIX в. в

с. Малоархангельское преобладали дома-пятистенки, стоящие вдоль улицы с датами на «кучерах» с обеих сторон. Иногда на «кучерах» вырезались инициалы и даже фамилия хозяина.

Конструкция крыши традиционно была самцовой, стропильные начала строить с 1970-х гг. Крыши крыли «дором» по длинным бревнам (слегам), называвшимся в с. Заиграево и Нижняя Брянь Заиграевского района Республики Бурятия «должики» [21. С. 125]. «Дором» назывались доски, полученные при расщеплении основного бревна с помощью специального крюка или клиньев (у сибиряков назывались «драньё»). По свидетельству Анисима Евтеевича Ковалева (1939 г.р., с. Большой Куналей), одна дранина была 4–5 м, на всю длину склона крыши. При толщине 3–4 см из одного бревна получалось 3–4 доски. Нижними концами дор упирался в «жёлоб» – бревно с пазом, поддерживаемое «курицами», называвшимися у семейских «крючья». Сверху крыши торцы кровли придавливали «князьком» (охлупнем). Доровая крыша не загнивала гораздо дольше, чем крытая пиленой доской. «Дором» также назывался слой коры, отщепленный вместе с верхними слоями ствола дерева, который тоже использовался для покрытия крыши. В с. Шаралдай Мухоршибирского района Республики Бурятия крыши крыли «гонтом». Его делали иначе: из бревна, расколотого на четыре части, при помощи крюка каждую часть расщепляли на доски меньшей, чем дор, длины. Подобный способ и термин были широко распространены на территории белорусско-польского пограничья.

Центром внутренней планировки избы является печь, вокруг которой традиционно выстраивалось пространство жилища. Глинобитная часть печи – «чувал» – располагался на срубе, заполненном землей и утрамбованном сверху глиной, устьем в противоположную от двери сторону. Термин «чувал» был распространен в Забайкалье до переселения туда семейских. Перед выходом из топки печи, называемым в разных селах семейских «горло», «цело» или «хайло», расположены выемки – «засторонки» [Там же. С. 167]. «Печуркой», «очагом», или «кочегаркой», называли углубление в углу печи, предназначенное для освещения избы смолянками. Вдоль боковой стенки русской печи шла доска – «задорга», о которую опирались, забираясь на печь или слезая с нее.

Пространство под печью называлось словом «подпечка», там стояла черепушка с известкой для подбеливания. Между стеной и печью было «запечье», где хранили старую посуду и другие кухонные принадлежности. Во всех селах семейских под потолком между стеной и боком русской печи делали полку из 2–3 досок. На ней хранили лук, чеснок и кухонную утварь. В селах Бичура, Десятниково, Тарбагатай полку называли словом «голбец». В с. Большой Куналей такая же полка называется «гОлубцы». (Лукерья Потаповна Назарова, 1926 г.р., с. Большой Куналей). Подобную полку в Красночиойском районе называют термином «пятра»,

который имеет распространение как на территории Белоруссии, так и в некоторых регионах Европейской России. В Бичуре голбцом «по-старинному» называли подполье, где хранили съестные припасы. В старых домах сел Десятниково и Тарбагатай раньше делались голбцы с выходом в подполье [21. С. 371]. Эту особенность отмечал И.В. Маковецкий, проводивший обследование этих мест в середине XX в. и заставший еще подобную конструкцию голбца, описанную им как короб с лазом в подполье [16. С. 36]. Из этого следует, что у части семейских преобладали северно-русские традиции в сооружении «голбца». При этом конструкция и название могли быть как заимствованы, так и сохраниться в качестве архаизма. Северно-русская традиция в сооружении голбцов воспроизводилась до начала XX в., а термин «голбец», применяемый к видоизмененной конструкции, сохранился по сей день. В остальных населенных пунктах, где проживают семейские, помещение под полом называют словом «подпол», а закрывающую его крышку – «подпольница», «западня», или «баклушка». Подпол расположен по центру сруба, размером примерно 3×3 м, опалубка состоит из кругляка около 15 см в диаметре.

Пол и потолок из толстых плах-полубревен первоначально делали «впритеску», при этом они плотно пригонялись друг к другу, но когда рассыхались, в щели на потолке сыпалась земля. Поэтому, несмотря на трудоемкость процесса, в конце XIX – начале XX в. стали делать его «закроем»: с одной стороны плахи выбирался паз, а с другой стороны – такой же выступ, и они плотно подгонялись друг к другу. У «сибиряков» такой прием называется «в четверть». Пол строгают вдвоем большим рубанком – «двуручником».

Разделение пространства избы началось с отделения кути, ее в XVIII–XIX в. занавешивали тканью – «товаром». К началу XX в. ткань заменили «заборки» – дощатые перегородки, не доходящие до потолка, верхняя часть которых была решетчатой, из балясин или палочек, а затем ее начали стеклить. Описание обстановки жилой избы семейских первой трети XX в. было сделано А.М. Поповой [6. С. 28], поэтому приведем лишь дополняющие его детали. Если икон было много, то вместо полки в переднем углу стоял иконостас из нескольких уровней, занимающий весь угол. В кути находился шкафчик для посуды и утвари – «кладёнка», «угловик». Вдоль бока печи возле входа стоял решетчатый ящик для кур, на котором можно было спать. Неотъемлемой частью обстановки была подвешанная к потолку за кольцо или скобу зыбка. Она состояла из прямоугольной рамки, обшитой тканью и накрытой пологом.

Вторая половина дома – горница. Семейские в ней не зимовали, она была осенне-весенним жилищем, «чистая, некрашенная, белая». Определения «чистая» и «белая» напоминают о том, что до середины XIX в. жилые избы были «черными», а первые печи с трубами стали появляться именно в горницах. В них проходили сватовство, свадьбы и другие семейные праздники. В

горенке держали «ящики» с одеждой и приданным (так у семейских называют сундуки), там не было палатей. По-настоящему жилой горница становилась после женитьбы сына.

Между избой и горницей располагалось холодное помещение – «сенки». Зимой в нем на полочку – «кладёнку» – ставили сливки, масло и некоторые другие продукты. Кроме этого, в сенях была отгорожена «казёнка» – помещение для хранения продуктов питания и домашней утвари. Из сеней не было второго выхода на задний двор, как у «сибиряков», так как дома семейских чаще всего располагались длинной стороной вдоль улицы и в стене прорубали дополнительное окно, а казенка находилась сбоку у входа.

Помещение под крышей называлось «вышка», туда залазили по лесенке с сенцов, чтобы закрывать дымоход протопившейся печи дощечкой или каменной плиткой и присыпать землей (до начала XX в.). Летом на вышке сушили березовые веники, зимой хранили мясо. У некоторых людей на вышке жили голуби. Вход в сени был с высокого крыльца. Изба и горница у семейских не всегда соединялись через сени: пятистенки также состояли из избы и горницы, а сени с крыльцом пристраивались сбоку сруба со стороны ограды. В таком случае в избу проходили через горницу, которая, по сути, возникла на основе утепленных сеней. В середине XX в. наиболее подробно многообразие конструктивных особенностей сеней и крылец в усадьбах семейских были описаны И.В. Маковецким [15].

Следующая жилая постройка имеет несколько вариантов использования и названий. Раньше такие избы назывались «зимовьями», в них жила малообеспеченная часть населения. Зимовья были низкими, с двумя-тремя небольшими проемами вместо окон, затянутыми брюшиной или промасленной холстиной и «душником» для выхода дыма от печи. Спали в зимовье на нарах, под нарами держали овец, ягнят. Последние такие постройки в с. Большой Куналей были разобраны в 1950–1960-х гг. После постройки большой новой избы зимовье не разбирали, оно использовалось в качестве дополнительного хозяйственного помещения (Валентина Ивановна Шишмарева, 1936 г.р., с. Малоархангельское Красночикийского района). Судя по описанию и упоминанию нар, зимовье значительно отличалось от русской избы. Печь в нем имела другое направление устья топочной камеры [23. С. 126]. Оно было расположено перпендикулярно входу, поскольку нары могли быть только за печью, как в лесных зимовьях и южно-русских хатах. Подобная планировка хат бытовала на территории Белоруссии, где могла быть заимствована старообрядцами, но могла и сохраниться в качестве архаичного вида жилья, учитывая то, что ряд строительных приемов из центральных регионов Древней Руси бывает трудно отделить от белорусских заимствований.

Когда старые избы приходили в негодность, во дворе, на отдалении от избы строилось новое «зимовье», в нем зимовали, а летом «кочевали» в избу. В с. Кали-

новка Мухоршибирского района, в с. Жиндо и Урлук Красночикийского района зимовье называют словом «тепьяк». В нем часто жили молодые после свадьбы, пока не построят себе собственный дом. Иногда в зимовье доживают свой век пожилые люди. У современного зимовья два или три небольших окна. Внутри справа находится печка с плитой, слева – угловая полка для иконы, стол и лавки. Прямо, напротив входа, сделан топчан для отдыха.

В селах Мотня Бичурского района и Куйтун Тарбагатайского района наблюдалась противоположная ситуация: летом хозяева усадьбы жили в зимовье, а зимой там держали кур, телят, баранов. В с. Бичура зимовье считается второй избой и называется «избушка», в которой раньше хозяева зимой также держали молодняк скота и кур, а летом жили сами [21. С. 339]. Скорее всего, использование дополнительного помещения в качестве жилья обусловлено не столько разницей в традициях, сколько различиями в материальном достатке и возможностях. Например, Татьяна Владимировна Халецкая 1921 г.р. из с. Урлук Красночикийского района подтвердила, что «в двух избах (на связи) жили богатые, а бедные жили вместе с курами и ягнятами в одной избе, кроватей не было, спали на полу на “потниках”, сваленных из шерсти, а до этого – на мешках с сеном». Полоты под потолком были, но не у всех. Катерина Фирсовна Григорьева 1923 г.р., также проживающая в с. Урлук, сообщила, что она в детстве спала на нарах, которые были настелены от печки вдоль глухой стены. У кого было достаточно дров, спали в избе на полу и, несмотря на то что окна были одинарные, было тепло. Наличие в жилой постройке нар или палатей может являться маркером преобладания севернорусских или южнорусских традиций. Полоты обычно упоминаются в избе, а нары – в зимовье.

Хозяйственные постройки. Наиболее важной хозяйственной постройкой в усадьбе семейских являлся амбар. В связи с широким использованием зимовья, избушки и тепляка, как временного жилого помещения, амбар у семейских в качестве жилья не использовался. По назначению амбары делятся на несколько категорий. Самый распространенный, амбар «двойной» – пятистенный с «закромом» и «погребницей». Собственно амбар не имел потолка, стены у него были круглые, не обтесаны, в сусеках хранились зерно и мука. В селах Бичура Бичурского района и Хасурта Хоринского района Республики Бурятия у больших амбаров были широкие двустворчатые двери – «завозни», через которые прямо с телеги сгружали зерно [Там же. С. 149]. В меньшей части пятистенного амбара – «анбарушке» – потолок и стены вытесывались. Там зимой хранили мясо, сало, а летом одежду, посуду и ящик (сундук). Амбарушку для продуктов часто мыли и убирали, там всегда было чисто [Там же. С. 24]. Там же находился вход в погреб, поэтому она часто называлась «погребницей».

В деревнях Красночикийского района привлекают внимание оригинально рубленые амбары с обтесанны-

ми угловыми выпусками бревен и замками, называемыми «ромба». Информаторы утверждают, что «ромбой» испокон рубились только амбары, так как углы получаются очень плотные и грызуны в них не могут проникнуть. Предамбарник (вероятно, меньшая часть амбара) у них назывался словами «казёнка», или «кладовка». Перекрытие амбара делалось без потолка по 15 слегам, почти вплотную лежащим друг к другу и напоминающим перекрытие белорусских хозяйственных клетей. И рубка углов, и перекрытие являются заимствованием с территории Речи Посполитой.

Отдельная постройка – «амбар ямный» – сохранила в своей основе самую архаичную конструкцию [22. С. 206–208]. В ней находились сусеки для зерна и «яма» для хранения продуктов. В Красночикийском районе также были зафиксированы рассказы о двухэтажных амбарах, об «амбарах лопотных», для хранения одежды, реже встречающихся «мусорных» – для хранения старой домашней утвари и инвентаря. Передняя выступающая галерея амбара называлась «прианбарок», там стояли лопаты, грабли, висела сбруя.

За амбаром находилась «завозня» – крытое строение для хранения сельхозинвентаря с земляным полом и двустворчатыми воротами [21. С. 149]. Внутри завозни иногда делали «поветь» – настил для сена на высоких столбах. Зимой в завозне стояли телеги, а летом – сани, также там лежали косы, вилы, грабли. В с. Верхний Саянтуй Тарбагатайского района завозней назывался ямный амбар – напобреица с погребом.

Скотный двор семейские называли просто «двор», чаще он был открытым, иногда с навесом, на нем располагались постройки для содержания скотины и птицы. Днем скот находился во дворе или на пастбище, а ночью – в стайках и хлевах. Иногда вся эта постройка называется словом «сарай». В с. Гашей Мухоршибирского района сарай делали для коней и коров. Крышу сарая покрывали «лубком» (корой, которую снимали с лиственницы) [Там же. С. 415]. В с. Бичура «сараями» называли коровьи стайки – это были утепленные помещения для крупного рогатого скота. В селах Шибертуй и Покровка Бичурского района в теплом сарае содержали всю скотину, но называли это помещение чаще «стайкой».

Теплые бревенчатые постройки – «омшанники» – были низкими и без окон, их чаще строили для баранов и в некоторых деревнях называли «баранники». Омшанники использовали также для зимовки пчел [Там же. С. 318]. В с. Бичура баранов держали в «хлевушке», аналогичной конструкции. В с. Окино-Ключи Бичурского района омшаник, хлев и «чушатник» называли по-бурятски – «хашан».

На всей исследуемой территории распространено название «хлев». Хлевом называют утепленное помещение для мелкого скота (чаще овец). Иногда в хлевах делались небольшие окошки, на которых раньше вместо стекла была натянута брюшина. Если хлев был большим и общим, то в нем отгораживали место для свиней: «чушатник», «гаино», «берлог».

В с. Бичура гумном называли место, где сушили, молотили и веяли зерно. С исчезновением такой необходимости так стал называться весь участок за домом. В с. Куйтун Тарбагатайского района он называется словами «телятник», «выгон», «поскотина». Часть построек была расположена на задворках. Одной из построек на заднем дворе был «колОсник» – сарай для хранения мякины, соломы, размером как жилой дом: 8×6 м, обычно с земляным полом и без потолка. В с. Шибирь Бичурского района в колосниках складывали сено [21. С. 207]. Обычно колосник строился из плах и покрывался дором. В с. Урлук Красночикокойского района сено складывали в «сенники» – под крышу на высоких столбах стоящую посреди покоса. В Бичурском районе колосник, или сеновал, называли белорусским словом «пунька».

Колодцы – «журавцы» – копали между чистым и скотным двором или недалеко от дворов на огороде. Рядом с колодцами у семейских находились «рассадники» – ящики из досок для выращивания весной рассады, стоящие на метровых столбах.

Баня, топившаяся по-черному («грязная баня»), обычно строилась «на задах» вдали от построек, была низкой (8–9 венцов), с невысокой дверью и маленьким окном, расположенным низко от земли. Потолок был из бревнышек «накатником» или из расколотых пополам небольших бревен. Душник, для выхода дыма, делался справа от двери, над каменкой. Полок стоял за каменкой на толстых столбах или высоких чурках. Крыша у бани была самцовая или стропильная, опирающаяся на чурки. Чистые бани в Тарбагатае, Куналее и других селах сейчас находятся в ряду построек чистого двора.

Входили во двор через ворота. Ворота строили высокие, трехверейные, они состояли из калитки и двустворчатой проезжей части. В больших зажиточных селах семейских, таких как Красный Чикой, Тарбагатай и Большой Куналей, иногда делали ворота четырехверейные, с двумя калитками по краям. Ворота накрывались двускатным козырьком.

Задний и передний двор городили тыном и жердью (тонкими бревнами). Изгороди между участками назывались «городьбой», «заплотами» и делались обычно из жердей. Въехать или войти на участок со стороны огорода можно было через «завору» – звено изгороди из свободно разбирающихся жердей [Там же. С. 145–150]. Пространство, или проулочек, за огородами назывался в некоторых селах «загуменье».

Таким образом, изучение планировки усадеб, жилых и хозяйственных построек, строительных приемов и терминологии, сложившихся у семейских, дает возможность проследить как общий путь развития их народной архитектуры, так и оказавшие на нее влияние заимствования, сделанные в разное время у внешнего этнического окружения.

Во второй половине XVII в. предки семейских, бежавшие в Речь Посполитую, имели багаж строительных традиций, присущих народной архитектуре русского Средневековья, характерной для Центральной

России, выходцами из которой в своем большинстве они являлись. В дальнейшем в результате хозяйственных контактов с местным населением они переняли ряд строительных приемов и терминов, сохраняющих свое бытование в селах семейских по сей день. Строительные традиции «сибиряков» и семейских, поселившихся на территории Забайкалья с разницей в 100 лет, несмотря на общую древнерусскую основу, имели ряд различий. «Сибиряки» были в большей степени носителями северно-русских строительных традиций, тогда как для семейских более характерным являлось воспроизведение приемов народной архитектуры регионов Центральной России, в том числе архаичных, обогащенных заимствованиями на территории Речи Посполитой.

В течение двух с половиной веков проживания в Забайкалье семейские сформировали свой архитектурно-хозяйственный комплекс, отличающийся от комплекса русских старожилов – «сибиряков». Основное отмеченное нами своеобразие планировки двора семейских, кроме отдельных описанных выше деталей, во всех обследованных населенных пунктах заключается в ориентации избы или дома относительно улицы и самого двора. Избы на связи «сибиряков» строились только узким фасадом в улицу, и вся постройка располагалась в глубину двора. Сами дворы были шире, преимущественно «веночной» планировки и зачастую состояли из чистого и заднего дворов, которые находились по разные стороны избы. В архитектуре семейских преобладает расположение изб и горниц (с сохранившейся номинацией «горница») широкой стороной вдоль улицы, с расположением дворовых построек вдоль западной межи. Он схож с однорядной планировкой, сложившейся в некоторых районах западной Белоруссии в связи с сильной нехваткой земли и которую нельзя считать заимствованием. Вторым, менее распространенным видом планировки двора являлась свободная застройка, характерная для хуторского типа хозяйств, связанная со своеобразием рельефа.

В заключение следует отметить, что за время проживания семейских в Забайкалье их строительная культура претерпела ряд модернизаций, связанных как с общими тенденциями развития строительных технологий, так и с некоторыми заимствованиями. В настоящий момент трудно определить, в результате чего появился высокий «полуподклет» жилища, так как он не характерен и для южно-великорусских традиций, и для построек «сибиряков» в Забайкалье. Народная терминологическая вариативность в названиях некоторых построек свидетельствует о сохранении средневеликорусских, южновеликорусских и северно-великорусских диалектов у переселенцев [24. С. 29].

Сегодня народную архитектуру семейских можно рассматривать в качестве яркого примера синтеза строительной культуры разных групп восточных славян, получившего свое самобытное развитие, определенное как природно-климатическими условиями Забайкалья, так и некоторыми социокультурными особенностями жизни русских старообрядцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болонев Ф.Ф. Семейские: Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1992. 224 с.
2. Ровинский Н.А. Этнографические исследования в Забайкальской области // Известия Сибирского отдела РГО. 1872. Т. 3, № 3. С. 120–133.
3. Талько-Грышневич Ю.Д. Семейские (старообрядцы) Забайкалья // Протоколы Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. Кяхта, 1894. № 2. 25 с.
4. Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы: Семейские. Иркутск, 1920. 89 с.
5. Гирченко В.П. Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских. Верхнеудинск, 1921. 20 с.
6. Попова А.М. Семейские: (Забайкальские старообрядцы) / Бурят.-Монгол. науч. о-во им. Доржи Банзарова. Верхнеудинск : Тип. НКПТ, 1928. 36 с.
7. Болонев Ф.Ф. Календарные обычаи и обряды семейских. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1975. 96 с.
8. Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1978. 132 с.
9. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. М. : ДИК, 2004. 350 с.
10. Петрова Е.В. Социокультурная адаптация семейских Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 129 с.
11. Юмсунова Т.Б. Язык семейских – старообрядцев Забайкалья. М. : Языки славян. культуры, 2005. 288 с.
12. Козина О.М. Говоры старообрядцев Бурятии – семейских: генезис, диалектный тип. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 164 с.
13. Традиционный фольклор старообрядцев Бурятии (семейских) в современном бытовании (по материалам полевых исследований конца XX – начала XXI в.). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 316 с.
14. Жамбалова С.Г., Игауэ Н. Калейдоскоп: Этнографические картинки XX – начала XXI в. в устных рассказах народов Бурятии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 412 с.
15. Маковецкий И.В. Архитектура крестьянских построек у семейских // Этнографический сборник. Улан-Удэ : БКНИИ. 1962. Вып. 3. С. 138–149.
16. Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск : Наука, 1975. Ч. II : Забайкалье. С. 33–47.
17. Ильина-Охрименко Г.И. Жилище русских Забайкалья (семейских) и его украшения // Труды Восточно-Сибирского государственного института культуры: серия историко-филологическая. Улан-Удэ, 1968. Вып. 5. С. 151–187.
18. Ильина-Охрименко Г.И. Народное искусство семейских Забайкалья XIX – XX веков: Резьба и роспись. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972. 88 с.
19. Родионова Н.Н. Архитектура жилища семейского крестьянина села Архангельское // Традиционная культура населения Сибири и Дальнего Востока: изучение, сохранение, популяризация // Материалы IV Кузнецовских чтений. Чита, 2012. С. 39–43.
20. Аболлина Л.А., Федоров Р.Ю. Элементы белорусских архитектурных традиций в строительной культуре семейских Забайкалья // Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции «Баландинские чтения» (Новосибирск, 15–17 апреля 2015 г.). Новосибирск, 2015. С. 8–15.
21. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск : Изд-во СО РАН, Науч.-изд. центр ОИГТМ, 1999. 539 с.
22. Рабинович М.Г. Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М. : Наука, 1975. С. 156–244.
23. Раппопорт П.А. Древнерусское жилище // Древнее жилище народов Восточной Европы. М. : Наука, 1975. С. 104–155.
24. Бараникова Л.И. Русские народные говоры в советский период (к проблеме соотношения языка и диалекта). Саратов : СГУ, 1967. 206 с.

Abolina Larisa A. NPO «Archaeological design and researches» (Krasnoyarsk, Russia). E-mail: larisa-abolina@yandex.ru; *Fedorov Roman Yu.* Institute of the Earth's Cryosphere of SB of RAS, Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: r_fedorov@mail.ru

YARD COMPLEX OF SEMEYSKIE OF TRANS-BAIKAL REGION: CONSTRUCTION CULTURE AND TERMINOLOGICAL VARIABILITY.

Keywords: Semeyskie; Old Believers; Trans-Baikal region; construction culture; ethnocultural interactions.

In the second half of the 17th century, after Russian Orthodox Church splitting, groups of Old Believers from the European part of Russia, moved to the Polish-Lithuanian Commonwealth, created places of compact accommodation at Polesia. After incorporation of these territories in the 18th century into the Russian Empire these Old Believers began to move to Siberia. Their representatives who have founded settlements in the second half of the 18th century in the Trans-Baikal region have received a new ethnonym – “Semeyskie”. This research is devoted to generalization of results of the ethnographic expeditions conducted by authors in 2014-2016 years in places of compact accommodation of Semeyskie on the area of Tarbagatayskiy and Mukhorshibirskiy districts of Republic of Buryatia, and also Krasnochikovsky district of Zabaykalsky Krai. During the research, the national architecture and the related household traditions of Semeyskie have been compared with their prototypes of the ethnic environment. In the territory of the Polish-Lithuanian Commonwealth in its role mainly had been Belarusians. In the Trans-Baikal region the basis of ethnic environment of Semeyskie had been the Russian old residents – “Siberians” and Buryats. As a result of the research it is established that in the second half of the 17th century the ancestors of Semeyskie introduced in the Polish-Lithuanian Commonwealth construction traditions of the Russian Middle Ages. Further, as a result of contacts with local population, they have adopted at it some of construction receptions and terms. Within two and a half centuries of residence in the Trans-Baikal region Semeyskie have created their own architectural and economic complex different from the one of the Russian old residents – “Siberians”. The originality of planning of the yard the Semeyskie consists in orientation of the house relatively the street and the yard. Houses of “Siberians” were constructed only with a narrow facade to the street, and all construction situated in yard depth. The yards were mainly “venochnaya” (wreath looking) planning. In architecture of Semeyskie prevails an arrangement of houses with the wide party along the street. During accommodation of Semeyskie in the Trans-Baikal region their construction culture has undergone a number of the modernizations connected with the general tendencies of development of construction technologies, as well as with some loans from ethnic environment. National terminological variability in names of some constructions has influences by the Middle, South and North dialects of the Russian language. Today the national architecture of Semeyskie can be considered as an example of the synthesis of construction culture of different groups of East Slavs which has gained the original development caused by climatic conditions of the Trans-Baikal region as well by some social and cultural features of life of the Russian Old Believers.

REFERENCES

1. Bolonev, F.F. (1992) *Semeyskie: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Semeyskie: Historical and ethnographic essays]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
2. Rovinskiy, N.A. (1873) *Etnograficheskie issledovaniya v Zabaykal'skoy oblasti* [Ethnographic research in the Trans-Baikal region]. *Izvestiya Sibirskogo otdela RGO*. 3(3). pp. 120–133.

3. Tal'ko-Gryntsevich, Yu.D. (1894) Semeyskie (staroobryadtsy) Zabaykal'ya [The Semeiskie (Old Believers) of Transbaikalia]. *Protokoly Troitskosavsko-Kyakhhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela RGO*. 2.
4. Selishchev, A.M. (1920) *Zabaykal'skie staroobryadtsy: Semeyskie* [Transbaikal Old Believers: The Semeiskie]. Irkutsk: [s.n.].
5. Girchenko, V.P. (1921) *Iz istorii pereseleniya v Pribaykal'e staroobryadtshev-semeyskikh* [From the history of migration in the Baikal region of the Old Believers' family]. Verkhneudinsk: [s.n.].
6. Popova, A.M. (1928) *Semeyskie: (Zabaykal'skie staroobryadtsy)* [The Semeiskie: (Trans-Baikal Old Believers)]. Verkhneudinsk: Tip. NKPT.
7. Bolonev, F.F. (1975) *Kalendarnye obychai i obryady semeyskikh* [Calendar customs and rites of the family]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
8. Bolonev, F.F. (1978) *Narodnyy kalendar' semeyskikh Zabaykal'ya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The national calendar of the Semeiskie of Transbaikalia (the second half of the 19th and early 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
9. Bolonev, F.F. (2004) *Staroobryadtsy Zabaykal'ya v XVIII–XX vv.* [Old Believers of Transbaikalia in the 18th – 20th centuries.]. Moscow: DIK.
10. Petrova, E.V. (1999) *Sotsiokul'turnaya adaptatsiya semeyskikh Zabaykal'ya* [Sociocultural adaptation of the Semeiskie in Transbaikalia]. Ulan-Ude: SB RAS.
11. Yumsunova, T.B. (2005) *Yazyk semeyskikh – staroobryadtshev Zabaykal'ya* [The language of the Semeiskie – the Old Believers of Transbaikalia]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
12. Kozina, O.M. (2006) *Govory staroobryadtshev Buryatii – semeyskikh: genesis, dialektnyy tip* [Dialects of Old Believers in Buryatia – the Semeiskie: Genesis, dialectal type]. Ulan-Ude: SB RAS.
13. Matveeva, R.P. (ed.) (2008) *Traditsionnyy fol'klor staroobryadtshev Buryatii (semeyskikh) v sovremennom bytovanii (po materialam polevykh issledovaniy kontsa XX – nachala XXI v.)* [Traditional folklore of the Old Believers of Buryatia (the Semeiskie) in modern life (based on field research from the late 20th – early 21st centuries)]. Ulan-Ude: SB RAS.
14. Zhambalova, S.G. & Igaue, N. (2010) *Kaleydoskop: Etnograficheskie kartinki XX – nachala XXI v. v ustnykh rasskazakh narodov Buryatii* [Kaleidoscope: Ethnographic pictures of the 20th – early 21st centuries in oral stories of Buryatian peoples]. Ulan-Ude: SB RAS.
15. Makovetskiy, I.V. (1962) *Arkhitektura krest'yanskikh postroek u semeyskikh* [Architecture of peasant buildings in of the Semeiskie]. *Etnograficheskii sbornik*. 3. pp. 138–149.
16. Makovetskiy, I.V. (1975) *Arkhitektura russkogo narodnogo zhilishcha Zabaykal'ya* [Architecture of the Russian folk dwelling of Transbaikalia]. In: Makovetskiy, I.V. & Maslova, G.S. (eds) *Byt i iskusstvo russkogo naseleniya Vostochnoy Sibiri* [Life and art of the Russian population of Eastern Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 33–47.
17. Ilina-Okhrimenko, G.I. (1968) *Zhilishche russkikh Zabaykal'ya (semeyskikh) i ego ukrasheniya* [The home of Russian Transbaikalia (the Semeiskie) and its decoration]. *Trudy Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury: seriya istoriko-filologicheskaya*. 5. pp. 151–187.
18. Ilina-Okhrimenko, G.I. (1972) *Narodnoe iskusstvo semeyskikh Zabaykal'ya XIX – XX vekov: Rez'ba i rospis'* [Folk art of the Semeiskie in Transbaikalia in the 19th – 20th centuries: Carving and painting]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
19. Rodionova, N.N. (2012) [Architecture of the Semeiskie peasant of the village of Arkhangelskoye]. *Traditsionnaya kul'tura naseleniya Sibiri i Dal'nego Vostoka: izuchenie, sokhraneniye, populyarizatsiya* [Traditional Culture of the Siberian and Far East Population: Study, Preservation, Popularisation]. Proc. of the Fourth Kuznetsov Readings. Chita. pp. 39–43. (In Russian).
20. Abolina, L.A. & Fedorov, R.Yu. (2015) [Elements of Belarusian architectural traditions in the building culture of the Semeiskie in Transbaikalia]. *The Balandin Readings*. Proc. of the Ninth Russian Conference. Novosibirsk, 15–17 April, 2015. Novosibirsk. pp. 8–15. (In Russian).
21. Yumsunova, T.B. (ed.) (1999) *Slovar' govovor staroobryadtshev (semeyskikh) Zabaykal'ya* [Dictionary of Old Believers' Dialects (the Semeiskie) in Transbaikalia]. Novosibirsk: SB RAS.
22. Rabinovich, M.G. (1975) *Russkoe zhilishche v XIII–XVII vv.* [Russian dwelling in the 13th-17th centuries]. In: Rabinovich, M.G. (ed.) *Drevnee zhilishche narodov Vostochnoy Evropy* [Ancient dwelling of the peoples of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. pp. 156–244.
23. Rappoport, P.A. (1975) *Drevnerusskoe zhilishche* [Old Russian dwelling]. In: Rabinovich, M.G. (ed.) *Drevnee zhilishche narodov Vostochnoy Evropy* [Ancient dwelling of the peoples of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. pp. 104–155.
24. Barannikova, L.I. (1967) *Russkie narodnye govory v sovetskiy period (k probleme sootnosheniya yazyka i dialekta)* [Russian folk dialects in the Soviet period (to the problem of the relationship between language and dialect)]. Saratov: Saratov State University.